

115478

К 9
П-304

З.С.Петров.

КАРТИНКИ ПРОШЛОГО.

ЦЕНА 15 К.

Государственное Издательство
Москва 1930 Советов

Кузнецов
11.5.30.

ИСПАРТОТДЕЛ Н.-В. КРАЕВОГО КОМИТЕТА ВКП (б).

ам, на

З. С. ПЕТРОВ

Р О В.

КАРТИНКИ ПРОШЛОГО

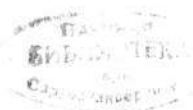
Воспоминания ученика быв. Саратовского городского Александровского ремесленного училища, ныне проф-техшколы имени А. В. Луначарского.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ниже-Волжское отделение

Москва 1930 Саратов.

115478

Н.-В. Крайлит № 2650/XII. Гиз. № 32040/7. Индекс С-52.
Тир. 3000. Саратов. Тил. № 2 Кайпролиграфпрома.

Молодой, здоровой смене, фабзайчатам, на
память о прошлом посвящаю.

З. ПЕТРОВ.

ОТ АВТОРА.

Среди читателей встретятся члены семей, отцы которых были в прошлом учениками Александровского училища. Если у этих товарищей явится желание исправить или дополнить текст о жизни училища, особенно в интернате,—просьба направить по адресу: Саратов, Нижне-Волжский краевой комитет ВКП (б) Истпартотдел.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия после 2-го съезда начала усиленно развивать свою работу среди широких рабочих масс.

Старые работники партии с железной настойчивостью вели работу по вовлечению широких масс в борьбу с капитализмом и в то же время готовили себе смену на случай, если их коснется тяжелая рука реакции.

Одним из кадров, откуда можно было черпать силы молодой смены, в саратовских условиях являлась и профтехническая школа-б. Александровское ремесленное училище, которое состояло из детей рабочих квалифицированного и неквалифицированного труда.

Из учеников б. Александровского училища, как и из других школ того же типа, буржуазия готовила грамотного работника на заводы с расчетом получить через него лучший барыш (и только). Что касается подготовки из них людей жизненнограмотных, то это в буржуазные программы воспитания не входило, ибо это с одной стороны не выгодно и, кроме того, буржуазия считала необходимым жить по строгому принципу „разделения труда“—„вы должны работать, как ваши отцы, а наши дети будут вами управлять, как их отцы“.

И вот среди пролетарской молодежи, которая была накануне вступления в жизнь, где она должна была подвергнуться беспощадной эксплуатации, Саратовская организация Р.С.-Д.Р.П. и вела свою работу по подготовке смены за освобождение пролетариата.

В числе учащихся б. Александровского училища в 1904 году был и автор этих воспоминаний.

Несколько слов о ремесленном училище.

Состав учеников по своему классовому подбору был исключительно из детей рабочих. Поэтому и учебный план училища был составлен так, чтобы сделать из учащегося человека-автомата, т. е. „делай, что дадут“, „делай, как укажут старшие“.

Школа прошлого находилась в руках правящего класса буржуазии и помещиков, у которых была одна установка во всей системе управления: „больше взять от купленной им рабочей силы и меньше, как можно меньше, ей заплатить“, а посему и в деле школьной подготовки также господствовал принцип: „Надо приготовить такую квалифицированную рабочую силу, которой можно легко управлять“, „нужна рабочая сила, а не рабочая мысль“.

Школой управлял педагогический совет в составе одних классовых педагогов, которые только составляли расписание, а программу намечал попечительский совет из числа избранных гласных и членов управы.

Для того, чтобы представить условия, в которых учащиеся находились, я считаю нужным привести расписание школьной учебы: занятия происходили с 7 часов утра до 7 часов вечера; пере-

рыв в занятиях был $1/2$ часа на завтрак и $1 1/2$ часа на обед.

На теоретические занятия трагилось ежедневно 3 часа, а остальные 7 часов работали в мастерской. Отсюда естественный вывод: ученик, уставший от работ в мастерской, не мог уделить много времени на то, чтобы приготовить задания по теории.

Состав педагогов был подобран по пословице: „на тебе, боже, что нам негоже“, т. е. такой, который отбивал охоту к занятиям, что выгодно было правящему классу того времени.

Учителем русского языка был Василий Иванович Чураков, по прозвищу „Мартышка“, который по уходе из училища, стал банщиком *).

Система занятий у него сводилась к соблюдению строжайшей тишины в классе. Если у ученика упадет карандаш или ручка, то владелец этой ручки оставлялся без обеда, а в лучшем случае вынужден был стоять весь час „столбом“.

Преподаватель математики Венедикт Афанасьевич Пушков был недурной анекдотист, рассказывал анекдоты по случаю плохого ответа какого-нибудь ученика, чем старался пристыдить малоуспевающего; при чем рассказами анекдотов увлекался настолько, что весь урок тратил на них.

Преподаватель технологии и механики Николай Семёнович Курныгин, по кличке „Поросенок“, прекрасно объяснял преподаваемый предмет, но еще „прекраснее“ пьянствовал, отчего иногда спал во время урока на кафедре или рассказывал тоже анекдоты.

*) Баня Чуракова на Бахметьевской улиц, ныне баня железнодорожников.

Преподаватель геометрии Григорий Федорович Алонзов, кличка „Башмак“, никогда никого не называл иначе, как „истукан бездушный“, „баран“; он был большой любитель ставить в журнале плохие отметки, что объяснял так:

„На пятерку знает только бог, на четверку знаю я, а вы больше тройки не заслуживаете“.

Про него ученики сложили частушку:

„Инспектор наш богат дровами,—
Посмотришь у него в журнале,—
Колы стоят пятериками“.

Учитель истории (по Иловайскому) Алексей Иванович Алфионов был очень тихий человек, но любил также тихо подойти к ученику, спокойно сидящему на парте, и дернуть за кончик уха с таким расчетом, чтобы „виновнику“ было больно, а классу весело.

Единственный преподаватель, которого ученики не боялись и спокойно слушали, за что получали не плохие отметки, был преподаватель закона божьего Лев Владыкин, речь о котором будет дальше.

Как видит читатель, преподавательский состав для обучения пролетарских детей был „на ять“ подобран. Закон божий преподавался хорошо, а остальное гадко, т. е. так, как им, а не нам, надо было в постановке учебы. Это—преподаватели по теоретической части.

Что же касается преподавателей ремесла, то здесь плохо обстояло дело с квалификацией.

В подавляющем большинстве это были малограмотные слесаря-самоучки. Единственными преподавателями, которые могли дать знание ученикам, были: Александр Алексеевич Егоров, в сборном цехе 3-го класса, Алексей Степанович Сви-стунов, в инструментальном цехе 4-го класса и

Никифор Михайлович, в весовом цехе 4-го класса. Нельзя не отметить также и Александра Васильевича Абрамова, который по достоинству заслужил звание героя труда. Можно с уверенностью утверждать, что расширение школы в части производственной обязано было ему и никому иному.

Если не блестяще было поставлено дело в части учебной, то этого нельзя сказать про воспитательную.

Как я уже сказал выше, правящий класс стремился приготовить хорошо квалифицированную силу, которой можно легко управлять. Чтобы обеспечить возможность легкого управления эксплуатируемым классом--а ученики Александровского училища являлись частью этого класса,—необходимо было убить в молодой смене всякую живую мысль. И вот для убиения этой живой мысли в Александровском училище имелся специальный штат „воспитателей“ и „дядек“.

Для того, чтобы читатель мог лучше себе представить систему воспитания, считаю нужным познакомить вас с воспитателями: 1) Амплей Александрович, воспитатель первого, второго, и третьего классов в мастерских. До воспитания александровцев он „воспитывал“ детей приюта, где усвоил следующую систему воспитания*): провинившегося приютского воспитанника заставлял пролезть через дыру, устроенную в стенке на манер собачьей лазейки в конуре; когда воспитанник просунет в эту дыру свою голову и руки, то его схватывает за руки стоящий по ту сторону дядька, зажимает голову между ног, а

*) Факт передается со слов Мити Дробишева, бывшего воспитанника Саратовского приюта.

по эту сторону воспитатель расстегивает штанишки и по голому телу начинает писать узоры двухвосткой.

Так вот с такой методикой воспитания Амплей Александрович и пришел в Александровское училище. Хотя у нас он так не воспитывал, но взамен „дыры“ он ставил учеников на колени, правда, без гороха, но с проволокой в $\frac{1}{4}$ дюйма. Следующим излюбленным методом его воспитания было нотация с „матом“.

Если при воспоминании об александровцах с кривой усмешкой говорят: „О-о-о... александровцы страшные матершинники“, то это результат трудов Амплея Александровича.

В 4 и 5 классах был воспитателем Иван Степанович, по кличке „Дурак“, который обладал не плохим басом; с учениками он обычно мало говорил, но частенько откалывал такие номера: сидит, сидит за своей конторкой и вдруг источным голосом во всю свою глотку крикнет:

— И-ва-но-ов!—а когда Иванов к нему подходит, то наш „Дурак“ обычно говорит:

— Это я так, засиделся, голос прочищаю.

Воспитатель Алексей Васильевич Побединцев отличался тем, что любил выслушивать ябеду и ходил подслушивать разговоры учеников, за что и получил кличку „Шпик“.

После семилетней практики воспитателя—шпика, Побединцев перешел на службу в сыскное отделение, где он себя и „обрел“.

Вот примерная, далеко не полная, картина условий, в которых воспитывались ученики Саратовского Александровского ремесленного училища.

Более подробное описание сейчас трудно дать, ибо я описываю период с 1900 по 1906 год, а это

было не вчера. О жизни школьного интерната я знаю не много, ибо был в числе проходящих.

Но несмотря на пресс царского воспитания, живая мысль убита не была. Ее растила пролетарская семья, членами которой были учащиеся.

Начиная с весны 1903 года, Саратовская организация РСДРП берет на себя задачу организовать среди фабрично-заводского ученичества кружки по подготовке к классовым боям. Первым товарищем, которому было задание от комитета организовать парткружок в Александровском училище, был Костя Александров.

Первая попытка оказалась неудачной: слишком скоро охранка напала на след, и кружок был ликвидирован в начале его работы.

Но мысль об организации парткружка не была оставлена Саратовским комитетом; осенью 1904 года кружок был вновь организован и на этот раз без провала.

I.

Организаторы и состав кружка. Метод подхода. Наше представление о жизни. Метод занятий. Значение среды.

Организаторами нашего кружка были следующие товарищи: Николай Стрелков, Гаврила Сушкин—работники „Приволжского Края“, Ольга Андреевна Балашова—работница управления Р.-У. ж. д., Павел Николаевич Молчанов—машинист Саратовского ж.-д. депо и Нина Черняк. Насколько мне известно, в партии сохранились только Нина Черняк и Ольга Балашова, остальные же превратились в мещанствующих меньшевиков и просто обывателей.

Нельзя не рассказать о первой нашей встрече.

Первая встреча была на квартире товарища по школе В. А. Балашова, у которого сестра, Ольга Андреевна, была членом РС-ДРП.

Дело было так: Виктор Балашов, зная меня, как одного из протестантов Алекс. рем. училища, приходит ко мне в мастерскую и говорит:

— Захар, хочешь знать, почему твой отец плохо живет?

— А ты что у гадалки научился узнавать?— Отвечаю ему.

— Нет, я книжки читаю политические, там все написано,—говорит Виктор.

— Вот, если ты хочешь узнать, что тебе надо делать, чтобы не жить, как твой отец, то приходи ко мне в воскресенье с Гришей Шульгой, там потолкуем. Только уговор—никому не говори, что ты придешь.

— Ладно,—пообещал я ему.

В первое же воскресенье, это было в октябре 1904 г., отправляюсь к Вите один. Гришу Шульгу я не застал, он ушел раньше.

Нас, учеников, собралось в первый раз 13 человек, а именно: Балашов Виктор, Дронин Федор, Мешков Василий, Поляков, Степанов Петр, Сапунов Сергей, Фишер Леонид, Шевляков Сергей, Лель Константин, Шульга Григорий, Пакин Михаил и я—Петров; фамилии тринадцатого товарища не помню.

Началось дело у нас, по старинке, с чая. Нам, молодежи, дали полную волю разрядить свой юношеский жар пением и рассказыванием анекдотов из жизни наших учеников. В процессе чаепития, пения и рассказов, пятерка эсдеков, каждый в отдельности, сумели переговорить с нами, тоже с каждым в отдельности, дабы определить нас хотя бы приблизительно. От индивидуальных разговоров перешли на коллективные.

Здесь необходимо добавить, что нам было от 16 до 18 лет, и вполне понятно, когда стал обсуждаться вопрос о житье-бытье рабочего, т. е. нас самих, то крайне не хотелось верить никому из нас, что человеческое общество, построенное на принципе частной собственности, таит в себе так

много зла, что при капитализме „человек человеку — волк“.

Не помню кто, кажется Нина Черняк, предложила нам рассказать о том, как мы представляем себе жизнь по-хорошему. Мы сразу затихли, а потом, когда Фишер Леонид тихо и неуверенно произнес: „по-семейному надо жить, и тогда будет хорошо“, все наперебой заговорили, что действительно лучше жизни не выдумаешь, как жизнь по-семейному. Это вполне понятно. Если присмотреться к молодежи, к росту ее мысли, мы увидим следующее:

Как распределяются все продукты в семье рабочего?

Каждому по его потребностям.

Как распределяется работа в семье?

Каждому по его способностям.

Кто решает все вопросы семейной жизни?

Общий семейный совет, правда, под общим руководством старших, людей опыта жизни.

Как относятся к тем или иным недостаткам семейно-правового порядка?

Все отрицательное изгоняется и преследуется семьей.

Как относятся к несчастью одного из членов семьи?

Все стараются сократить неприятные переживания члена своей семьи.

Так мы, молодежь, еще не тронутые жизнью и представляющие из себя психологическую целину, мыслили о хорошем и правильном житье рабочего. Догма „не противься злу“ нам была органически непонятна.

Первая наша беседа закончилась лекцией о родовом коммунизме.

Нина Черняк предложила желающим из нас написать рассказ, где был бы иллюстрирован первобытный коммунизм, авторитарная община и феодальный строй; основная мысль—развитие идеологии и причины ее развития.

Я и Дронин взялись за это дело вдвоем, причем я взялся написать о первобытном коммунизме и авторитарной общине, а Федя Дронин—о феодальном обществе.

С такими преподавателями, как В. И. Чураков, конечно, от нас и нельзя было ожидать больших литературных успехов. Несмотря на это, мы взялись за дело—написали сказку. Название своему произведению мы стеснялись дать. Получив отзыв Сушкина, что основная мысль вполне правильно нами изложена, мы сияли.

Усвоение лекций о развитии обмена, торгово-промышленном капитале и эпохе финансового капитала стало подвигаться у нас медленно, но заинтересованность всех членов кружка в дальнейшей работе не угасала, напротив, мы еще с большим усердием изучали механику хозяйственного строя.

Позанимавшись около двух месяцев историческим материализмом, мы почувствовали необходимость снова перечитать политэкономия А. Богданова, которая была по тому времени прекрасным пособием.

При повторении курса политэкономии А. Богданова, мы лучше уяснили бернштейнианство и причины, порождающие консерватизм в английском рабочем движении.

Улучшение экономических условий английского рабочего, в период расцвета отечественного капитализма, явилось за счет извлечения сверхприбылей при эксплуатации колоний и способ-

ствовало в нем развитию консерватизма. Нам стало хорошо понятно, что социально-экономические условия являются причиной выбора того или иного пути в деле перестройки существующих общественных форм.

Не безынтересно будет здесь отметить одну из моих бесед с тов. Дрониным, который считался среди нас самым грамотным. Как-то раз в беседе между мною и Дрониным был затронут вопрос: „что должно способствовать развитию оппортунизма?“ В процессе обсуждения этого вопроса, мы перешли на оценку состава нашего кружка и единодушно сошлись в следующем: тов. Мешков, как сын богатого кустаря, привык понимать все с точки зрения мелкого буржуа и в пролетарской классовой борьбе принимать участия не станет, если не будет изолирован от семьи; Фишер Леонид также уйдет от активной работы в партии, как выходец из зажиточной мещанской семьи.

И вот теперь, вспоминая прошлое, можно сказать, насколько правильны были наши рассуждения: эти товарищи на первом же году, по окончании школы, совершенно отошли от общественной работы.

II.

Первые самостоятельные шаги. Училищная забастовка. Диалог попа Владыкина. Догматизм учителя-банщика. Товарищеский совет. Обработка общественного мнения. Причины симпатии „общественного мнения“.

В результате наших занятий в кружковой партшколе, лично я, весной 1905 года, был кооптирован для работы в саратовской судоходной организации, а также, по поручению городского комитета, был организатором кружков среди молодежи чирихинского завода, обслуживавшего речной флот. Но главная цель моей работы заключалась в подборе молодежи из числа учеников Александровского ремесленного училища для занятий в зиму 1905 и 1906 гг., которая была весьма обильна событиями с самого начала учебного года.

Учебный год у нас в Александровском ремесленном училище начался 5-го сентября.

В первый же день начала наших занятий нам стало известно, что ученики: Скутельмин Михаил

и Алексеев Александр, живущие в интернате, были исключены из училища за конфликт с администрацией из-за плохого питания.

Принимая во внимание, что тов. Скутельмин и Алексеев были весьма хорошими товарищами, учащиеся, по своей отзывчивости, не могли помириться с их исключением. Решили устроить товарищеское совещание о мерах помощи им. На первом же совещании „в дровах“ *) пришли к единодушному заключению о необходимости коллективного заступничества.

Для создания соответствующего протестантского настроения среди пятого и четвертого параллельных классов, из нашего кружка были выделены я и Шульга Гриша, Грибов и Бородачев работали в основных классах. Нам понадобился недельный срок, в течение которого мы устраивали летучие митинги протеста, встретившие хороший отклик среди всех учеников.

К 12 сентября протестантское настроение было подготовлено. В 10 часов дня, во время общей перемены в училище (перехода параллельных классов из мастерских на теоретические), было устроено общее собрание протеста с требованием обратного приема в училище Алексеева и Скутельмина.

Для переговоров с администрацией считали нужным никого не выбирать, чтобы не уволили наших делегатов из училища; решили вести переговоры общим собранием, т. е. говорить хором.

*) Место нелегальных собраний александровцев.

На протесты Курныгина, директора училища, Алонзова, пом. директора училища, и попа Владыкина мы дружно и отчетливо говорили хором: „примите Скутельмина и Алексеева“ И только под угрозой, что с нами не будут говорить совершенно, если мы не изберем делегатов для пред'явления своих требований, с гарантией, что они не будут уволены, мы согласились и попросили удалиться администрацию. После ухода администрации была избрана делегация, состоящая из Бородачева Якова, Грибова Александра, меня—Петрова и Василия Метелина.

Не без трепета в душе, названная четверка пошла в комнату педагогического совета для того, чтобы сказать волю 500 человек.

Как только мы отворили дверь, нам представилась следующая картина (она из памяти моей никогда не пропадет): за большим столом, покрытым синим сукном, сидели:—в конце стола, лицом к нам, поп Владыкин; направо Курныгин, налево Алонзов, рядом с ним учитель истории Алфионов и совершенно на отшибе, по левую сторону стола, сидел Чураков, который исполнял обязанности секретаря педагогического совета.

— Ну, что вы скажете, дети мои, от лица бунтарей?—спрашивает поп Владыкин. Я первый сказал:

— Ученики хотят, чтобы Скутельмин Михаил и Алексеев Александр были приняты обратно в школу.

Грибов добавил:

— Скутельмин и Алексеев сироты из приюта, которым идти больше некуда, и увольнение их ученики считают бессердечным и неправильным.

Тогда поп Владыкин обращается к совету со следующим монологом:

Посмотрите, кто пришел сюда учить нас нравственности: Бородачев, отъявленный шарлатан и курящий парень, который способен только разлагать, портить учеников и в довершение всего ругается по-матерному; Петров Захар, имеющий товарищей исключительно из среды жидов и с жидовским обликом сам, представляет адвоката за всех, чему могут дать подтверждение Венедикт Афанасьевич Пушков (учитель математики) и Николай Семенович с Василием Ивановичем; Грибов Александр, тихоня, который любит не столько учиться, сколько рисовать корабли. Вы посмотрите у него тетради, они положительно все зарисованы кораблями...

Но тут его перебивает Чураков, который вел протокол:

— Батюшка, это ведь делегаты от учеников, а не пособственному почину пришли сюда.

Тогда поп Владыкин обращается к нам:

— Еще какие ваши требования?

Тут наш Яша Бородачев, откашлявшись, заявляет:

— Увольнения Курныгина хотят ученики, так как нам такого учителя, который приходит в класс пьяным, не надо.

Курныгин, как ужаленный, начинает ерзать по стулу и, разводя руками, скороговоркой выговаривать:

— Это говорит Бородачев, это говорит Бородачев и Петров с Грибовым.

Но Чураков перебивает Курныгина следующими словами:

— Это говорят делегаты волю пославших их!

Тогда мы при общем молчании всей пятерки, которая сидела как ошпаренная, вышли к ожидавшему нас общему собранию; после двух-трех

секундного молчания, воцарившегося при нашем входе в зал, все товарищи, как по команде, крикнули:

— Ну, как?

— Ну, что? Чего они вам ответили?

Лично я и все мои товарищи по кружку, а таковых осталось на 1905-1906 учебный год семь человек, сразу решили, как бы заранее сговорившись, предложить общему собранию закрепить наши требования забастовкой.

— Захар, куй железо, пока горячо, докладывай и делай предложения—говорили мне товарищи по кружку.

В это время Бородачев и Грибов уже сделали отчет о делегатской деятельности, но так как они не были организационно подготовлены, то практических предложений не делали.

Я, как делегат, беру слово и предлагаю наши требования подтвердить забастовкой, а для ведения забастовки рекомендую избрать комитет, дав ему имя—„Товарищеский совет“. Мое предложение было принято всеми единодушно. Выборы Товарищеского совета собрание решило перенести в сад.

На собрании в саду наши речи начали носить уже политическую окраску, с руганью по адресу системы нашего воспитания и творцов этой системы. В Товарищеский совет вошли по 3 товарища от каждого класса, причем от первого и второго класса мы решили совсем никого не проводить и к забастовке не привлекать, чем их очень и очень огорчили. Таким образом, совет был избран в составе 18 человек, из коих я помню следующих: Шульга, Лель, Скутельмин, Грибов, Бородачев, Гришко, Метелин, фамилии остальных не помню.

Следующее собрание назначили на завтра в 10 час. утра.

После собрания товарищи решили не расходиться, а предварительно устроить чаепитие и купить в складчину белого хлеба. После чаепития все разошлись; остался только товарищеский совет, который распределил между собой функции. На меня и на Шульгу Гришу было возложено повторить свои требования либеральным гласным, дабы они смогли надавить на городскую управу; Грибов и Бородачев должны были пойти в редакцию газеты „Приволжский край“ и осветить в печати происходящие у нас в училище события.

По указанию Жоржа Оппокова, с которым у нас была связь еще с весны 1905 года, мы пошли к следующим гласным: Токарскому (члену государственной думы 1-го созыва), Поляк Владимиру Николаевичу (присяжный поверенный), Маслénникову Александру Михайловичу (члену гос. думы 2, 3 и 4 созыва), Кальмановичу (присяжный поверенный) и, кажется, к секретарю городской думы (фамилию которого не помню). Все поименованные лица были в то время самыми либеральными и активными единицами в составе гласных думы.

Нас весьма любезно встречали и обещали всеми мерами поддержать; каждый считал своим долгом спросить нас о нашей партийности, но мы, зная наказ о конспирации, о своей партийности ни гу-гу.

Характерно, что Масленников считал необходимым постараться помирить нас с Курныгиным и вопрос об увольнении его из училища не ставить так остро, как поставили его мы. Помню, как Масленников развел руками на наши доводы:

— Если Курныгин нас увольнял до совета и без совета, то нам, как коллективу в 500 человек, и бог велел уволить его, как хорошо пьющего, но плохо преподающего; если вам, гласным думы, жаль его, как работающего в училище 22 года, то дайте ему стипендию.

На это Масленников отвечал сокрушенно:

— Да, с вами не сговоришься; у вас, как видно, сильно наболело. Хорошо, постараемся вас поддержать, но только прошу вас никому ни говорить, что вы были у меня.

Надо сказать, что последнее, т. е. просьбу никому не говорить о своем визите, мы слышали положительно от всех и, конечно, всем обещали, переглядываясь друг с другом. Я и Шульга начинали уверять, что у нас, мол, вся надежда только на вас, милостивый государь, а уходя от него начинали думать: какие пути отыскать, чтобы все эти либералы не ограничились одними только обещаниями помочь. Шли к Оппокову Жоржу за советом, но тот уверял нас, что эти либералы на этом деле могут создать сейчас себе имя и потому молчать не будут.

III.

Историческая среда. Настроение бастующих. Закрытое заседание. Дыбов неистовствует. Наши ответы. Дыбова пот прошиб. Хорам грозит обвал. Казаки тут, как тут.

Примерно через неделю, секретарь думы или управы, хорошо не помню, присылает нам извещение, чтобы я и Скутельмин пришли в среду на заседание думы, где мы должны будем повторить наши требования и доказать их правоту.

Надо сказать, что у нас за это время были ежедневные собрания, на которых мы информировали о своей работе учащих, а тут, в подтверждение наших докладов, Курныгину было предложено в дела училища не вмешиваться, что еще более влило в нас бодрости и уверенности в нашей победе.

Обязанности Курныгина исполнял Григорий Федорович Алонзов.

Наконец, наступает историческая для нашего училища среда. В думу решили идти все учащиеся, не исключая первого и второго классов, и часть родителей, которых агитировали ученики.

Мы собрались на ученической аллее в Липках и пошли в городскую думу стройными рядами. В виду большого скопления публики в связи с разбором нашего дела, мы вынуждены были занять хоры и лестницу, ведущую на хоры, но и они уместить нас были не в состоянии.

Я и Скутельмин забрались также на хоры.

Вскоре раздается звонок, и заседание городской думы открывается. В зале водворяется тишина.

Городской голова что-то невнятным голосом говорит гласным, а затем обращается к секретарю, и через 2-3 минуты раздаются несколько голосов служителей:

— Петров и Скутельмин, делегаты учеников Александровского ремесленного училища, идите сюда!

Среди учеников и гостей заседания думы водворяется тишина.

Я и Скутельмин спускаемся вниз, среди отчаянной тесноты, под реплики тихого ободряющего шопота товарищей:

— Захар и Миша, не робей, поддержим, докажите!

Наконец, мы выбрались из тесноты и подошли к столу президиума; в это время поднимается гласный думы нотариус Дыбов и предлагает заслушать нас при закрытых дверях; председатель голосует; предложение принимается, не помню каким большинством; мы вместе с гласными удаляемся в комнату для совещаний.

Начинается перекрестный допрос меня и Скутельмина. Особенно сильно неистовствовал Дыбов, делая предложение отправить нас обоих на Гуселку; гласный Волков советовал ему, с ехидной усмешкой, принять одну-две ложки брома для успокоения его нервной системы.

Вся консервативная часть думы, вроде Дыбова, старалась доказать, что, как Скутельмин, так и я—оба отъявленные жулики; Дыбов старался приводить примеры, которые он беспардонным образом сочинял, но городской голова предложил ему не фантазировать. Когда я увидел, что Скутельмина начинают сбивать, и он начинает путаться, то решил парня выручать и, громко перебивая одного из гласных, обращаясь к городскому голове, говорю:

— Если воспитатель Побединцев водил учеников воровать дрова, когда дров не хватало на кухне, то у учеников создавалось представление, что воровать можно; а раз это так, т. е. можно украсть дрова, то почему же нельзя украсть арбуз, огурец и картошку для того, чтобы съесть их?

Дыбов, перебивая меня, говорит:

— Я слышал, что ты и Скутельмин воровали белье на даче у Назаровых.

Миша Скутельмин, который обычно за словами в карман не лазил, сразу отвечает ему:

— Нас по Крылову учили: „И тот дурак, кто слушает людских всех врак“. Этот ответ настолько ошарашил Дыбова, что бедняга даже вспотел и готов был разразиться потоком аристократического сквернословия. В это время в зале поднялся такой шум от криков и топота ног на хорах, что инженер Салько начал умолять прекратить топот, ибо в противном случае он не ручается за целостность хоров и за могущие произойти несчастия. Дыбов хотел было выйти и „успокоить“, но ему предложили остаться, а мы с Скутельминым вышли из комнаты совещаний сказать, чтобы товарищи не беспокоились, и в комнату больше не вернулись.

Поднялись на хоры. Всем товарищам хотелось узнать, что за пытки мы испытали при закрытых дверях. О всех разговорах мы подробно информировали учащихся, после чего решили разойтись по домам. Но и здесь не обошлось без инцидента. Когда стали расходиться, то молодежь не вытерпела и запела революционные песни (Марсельезу, Варшавянку и другие). Не успели мы выйти на Полицейскую улицу, как нагайки окруживших нас казаков загуляли по нашим спинам. Некоторые товарищи пришли домой окровавленные.

На этот шум выбежало несколько гласных, и казачья расправа была ликвидирована.

IV.

Мы победители. Попу уважали.
Поп „подал“ в отставку. Опять
наша взяла.

На утро, к началу нашего общего собрания, в училище к нам приехал зам. гор. головы Коробков и об'явил, что требования наши удовлетворены, т. е. Скутельмин и Алексеев оставлены, а Курныгин увольняется, и предложил нам начать занятия.

Тут же по от'езде Коробкова, мы открыли общее собрание и решили: завтра всем, как один, явиться на учебу без всяких опозданий, проверку опозданий должен провести товарищеский совет.

Но пятница дала нам новую неприятность.

Помню, я пришел рано утром на занятия; меня встречают товарищи из совета и говорят:

— Как быть? У нас несчастье—вместо Курныгина нам назначили попа Владыкина.

Действительно, мы попали из кулька в рогожку.

Поп нам дело сорвет, а посему все надо начинать сначала, а здесь еще обещание начать занятия, которое мы вчера дали Коробкову. Тут

же, на ходу, во дворе, решили пойти к попу просить его отказаться от назначения.

Сказано—сделано.

Пошел я, Грибов, Бородачев, Шульга и еще человека три.

Приходим к попу.

Нас встретила глухонемая прислуга попа, которая мимикой нам об'яснила, что поп уже встал и богу молится. Мы же ей об'яснили, как могли, чтобы она сказала попу о нашем визите, когда тот кончит молиться.

Но тот, услыша наш говор, не заставил долго ждать себя и тут же вышел и, благословляя нас, подошел к нам, умиленным голосом поздоровался с нами, пожелав всякого благополучия в сей добрый ранний утренний час.

— В чем дело, детки, чем могу служить?.

— Вы молебен хотите отслужить?.

— Да, это дело доброе, надо, надо!..

Но когда мы, немного нервничая, спросили его:

— Правда ли, что вы назначены к нам как смотритель?—то он, насторожившись, ответил:

— Да. В чем дело?.

Кто-то из нас ему говорит:

— Батюшка, мы пришли вас просить, чтобы вы отказались от должности смотрителя училища.

— Никак не могу, ибо это не от меня зависит, а кроме этого—не ваше дело.

Тогда ему было заявлено, что если он не хочет позорить своего имени, то пусть откажется, в противном случае мы опять забастуем, чем причиним ему массу неприятностей.

Он сказал нам:

— Я подумаю, а вы идите и занимайтесь.

Но нас этим успокоить было нельзя, и я тут же, по предложению товарищей, пошел к Коробкову

и члену управы Волкову с тем, чтобы сказать им:

— Поп Владыкин от должности своей отказывается, мотивируя тем, что, мол, это не дело духовного отца.

Коробков и Волков многозначительно улыбнулись, обещались приехать и сами поговорить с Владыкиным.

Тогда я от имени учеников просил их назначить другого человека и предложил временно назначить Алонзова Г. Ф.

Не успел я вновь вернуться в училище и рассказать Товарищескому совету о своих похождениях, как в училище приехали Коробков и Волков.

Созвали Товарищеский совет и предложили нам больше не торговаться. Но попу сняли и вместо него назначили инженера Добрякова.

V.

Опять забастовка. Без комитета партии ни шагу. Наши требования. Ц.К.С.С.У.М. Состав. Наш журнал. Отношение к нам гимназистов и реалистов. Александровцы доказали маменькиным сынкам.

Не долго мы занимались после первой забастовки. Наступили предоктябрьские дни; волна забастовочного под'ема захватила не только заводы, но и все учебные заведения.

Помню, как к нам в училище пришли Жорж Оппоков и Хворостухин, и заявили:

— Все учебные заведения предполагают начать забастовку с требованием политических прав, ибо стыдно нам, молодежи, обходить молчанием разворачивающиеся события. От имени Российского социалистического союза учащейся молодежи, призываем вас примкнуть к забастовке.

Наскоро созываем Товарищеский совет и решаем: к забастовке присоединиться в том случае, если последует санкция комитета партии.

Скутельмин и Грибов отправляются в комитет к с.-р., а я и Шульга идем в комитет РСДРП, где рекомендовали бастовать.

На другой день созываем общее собрание и решаем начать забастовку немедленно. Это было 7 октября. Собранием была вынесена следующая резолюция: „В целях завоевания улучшения программы занятий в школе, которые возможны только при условии изменения существующего строя, мы требуем: свободы слова, собраний, всеобщего прямого, равного и тайного голосования, выборов в учредительное собрание, а также создания родительского комитета и участия Товарищеского совета в делах училища путем присутствия, как на педагогическом, так и попечительском совете на равных правах“.

Так как эта забастовка должна была быть проведена не только в городском, а в общероссийском масштабе, то решено было создать Центральный стачечный комитет социалистического союза учащихся Казанского округа с местопребыванием в Саратове.

От Александровского училища в Центральный стачечный комитет избираюсь я и Скутельмин, от 1-й мужской гимназии—Б. Алфимов, Е. Раговский, Б. Зенкевич, В. Ченыкаев, от 2-й мужской гимназии—Г. Оппоков, В. Хворостухин; от 1-го реального училища—В. Вегер, А. Рабинович, А. Бейлин; от 2-го реального уч.—Н. Барцев, Гитерман, от женских гимназий—Малинина, Дьякова и Романова. От коммерческого училища—Н. Шумилин; от городского 4-классного училища—Елисеев и еще один, фамилии которого я не помню.

По партийности—13 с.-д. и 6 с.-р.

При Центральном стачечном комитете был организован печатный орган: „Школа и жизнь“. В редакционную коллегию вошли: Вегер, Оппоков, Зенкевич, Раговский, Бейлин и Барцев.

Но недолго просуществовал наш журнал; кажется, на шестом номере был закрыт совершенно, предварительно подвергшись двум штрафам и конфискациям.

Перед октябрьским манифестом наша группа организовала два кружка, каждый в 20 человек; проходили программу партии, причем ставили во главу угла освещение текущих событий, рассматриваемых как результат развития капитализма.

Взаимоотношения учеников Александровского училища с учениками средних учебных заведений все время носили некоторую натянутость.

Гимназисты и реалисты говорили вслух, что от александровцев можно ждать только одного хулиганства, а не сознательной революционной борьбы. У александровцев же было такое мнение: эти „маменькины сынки“ при нажиме на них со стороны администрации училища и полиции способны только плакать.

При встречах во время чтения рефератов на частных квартирах всегда было заметно, что нас, александровцев, сторонились, и в частных разговорах не находилось общих тем, что сеяло еще большую враждебность. Часто приходилось слышать от товарищей по школе:

— С ними каши не сваришь!—Они боятся нас, это не наши товарищи!

В виду того, что ученики средних учебных заведений, по их мнению, были лучше нас развиты, у нас явилось желание доказать, что мы не хуже их политически грамотны. Посоветовавшись с Жоржем Оппоковым и Владимиром Вегер, которые у нас пользовались авторитетом, наш кружок решил подготовиться к дискуссии на эсеровском реферате.

Прозанимавшись около месяца, мы пошли слушать реферат, который читал реалист, кажется, Бейлин.

Нас было около 12 человек; нас сторонились и смотрели свысока на наши чумазые блузы.

Но вот начинается реферат на тему: „Разногласия между эсерами и эсдеками“; докладчик говорил около 45 минут, не больше. После этого было предложено желающим задавать вопросы, но таковых не оказалось; было предложено желающим выступить с прениями.

Нами решено было выступить трем, но не сразу, а после того, как кто-либо выскажется, но и таковых не оказалось среди гимназистов и гимназисток.

Со стороны референта поступило снисходительное, ехидное предложение выступить нам, как представителям „эсдековского пролетариата“.

Но мы уже и так были готовы.

Первым выступил Леонид Фишер, самый спокойный из нас. Начав свое выступление доказательством от противного, т. е. с восхваления эсерства, он затем перешел на критику идеалистического миропонимания эсеров.

Вторым выступил я с критикой „социалистической ячейки“ крестьянской общины, и для того, чтобы „убить“ противника, процитировал отрывки из Чернова и Тулина наизусть.

Третьим выступил Поляков, который резко заявил, что докладчик, как видно, не знает жизни и думает, что класс можно вести, куда хочет герой, а также полагает, что политические и экономические права могут быть даны, кем-то так же, как он, докладчик, получает от прислуги прислугой же приготовленный обед; в заключение цитирует ему

из „Коммунистического манифеста“: „освобождение рабочих есть дело рук самих рабочих“.

Мы чувствовали превосходство. Данное выступление так ошарашило чистеньких сынков и дочек бонтонных мамаш, что они сидели, как пришибленные, а референт заявил, что более подробного реферата он не мог подготовить по каким-то извинительным причинам.

Наша группа после такой победы демонстративно ушла, не оставшись на чай.

Вегер и Оппоков, как руководители наших кружков, ликовали и обещали еще усиленнее заняться с нами.

После этого, отношения гимназистов к александровцам изменились в лучшую сторону; у александровцев осталось прежнее мнение: „маменькины сынки, белоручки“.

VI.

Объявление манифеста. Пусть боятся они. Известия о разгоне митинга на Театральной площади черной сотней. Организация боевой дружины и ее вооружение. Первое боевое крещение.

Но вот наступает 18 октября—день опубликования манифеста. Я не могу описать того энтузиазма, какой охватил всех учащихся и, в частности, наше училище. Но именно в этот момент сильно почувствовалась необходимость руководства массой, так как в этот момент полиция растерялась, а молодежь и рабочая масса, охваченная энтузиазмом, упоенная победой, чересчур сильно преувеличивали значение достигнутой победы. Когда на собрании в городском театре, вечером 18 октября, на котором т. Петров (одессит) в своей зажигательной речи указывал, что мы не должны останавливаться на этом завоевании, а идти и крушить дальше перегнившие устои существующего строя и быть акушерами нового, с муками рождающегося строя, то можно было слышать среди аудитории возгласы: „Основное сделано, теперь нечего бояться нам, пусть боятся они“!

19 октября. Митинги в 12 часов дня. Один на Театральной площади, другой на Институтской (на камнях). *)

Я со своими товарищами пошел на Институтскую площадь. После второго оратора один запыхавшийся товарищ просил дать ему слово вне очереди. Как громом поражает он всю массу рабочих известием, что черная сотня на Театральной площади, под прикрытием казаков, избивает участников митинга... Я в это время был около трибуны и видел всю массу рабочих, присутствующих на митинге.

В первую минуту вся масса молчала с выражением озлобленного недоумения. Можно было прочесть у всех на лицах вопрос:

„В чем дело?“ „Как нам быть?“ Но вдруг из глубины массы слышится призыв:

— Пойдемте все туда и сотрем в порошок всю черную сотню!

Этого клича было вполне достаточно, чтобы вся масса, а было не менее 8000 человек, задвигалась и пошла на площадь. Громадных усилий стоило председателю собрания сдержать толпу от хаотического шествия и заставить идти стройными рядами.

Процессия двинулась по следующему маршруту: Камышинская, Шелковичная, Ильинская, Немецкая, Александровская ул. и Театральная площадь.

Во время пути пели революционные песни. Когда дошли до Ильинской ул., уг. Петинной, то здесь солдаты из артиллерийской бригады (в этом месте квартировала батарея) взяли под козырек, и на наш призыв человек пять-шесть влились в двинувшуюся лавину и пошли вместе с нами.

*) Ныне Октябрьская площадь.

По Немецкой улице доходим до угла Александровской, и поворачиваем на Александровскую. Вдруг со стороны казаков, стоящих у Народной аудитории, раздаются залповые и одиночные выстрелы. Вся невооруженная масса отступает назад и разбегается.

Я и несколько товарищей перебегаем на тротуар и идем гуськом по направлению к Московской улице.

На углу Большой Казачьей и Александровской происходит следующая сцена: два молодых гимназиста, отвернувшись в сторону, с закрытыми глазами, стреляют вверх по направлению здания, где теперь крайсоюз; на наше предложение не стрелять впустую, а отдать револьверы, оба отдают беспрекословно и убегают в сторону Немецкой ул. Мы проходим небольшой группой по Театральной площади до дома Вакурова.*)

Здесь нам представилась следующая картина: возле часовни, что около музея, стоит толпа базарных торговцев, ломовых извозчиков, переодетых городских, дворников, кто с палкой, кто с ломом, а кто просто с булыжными камнями и отпускает самую отборную ругань по нашему адресу и, в частности, по моему, как брютета, с кличем:

Бей жидовскую мразь и сволочь!

Мы дошли до угла Никольской и увидели разрозненные группы из числа демонстрантов и участников митинга на Театральной площади. Группы бездействовали, ожидая столкновения между черной сотней и революционерами.

На Никольской ул. у Лютеранской церкви меня встретили Жорж Оппоков и Володя Вегер и, отведя в сторону, сказали:

*) В этом доме в настоящее время помещается С. Х. И.

— Захар, надо во что бы то ни стало организовать боевую дружину из учеников Александровского училища, как самой надежной молодежи; организовав, приходи сюда.

Сказано—сделано.

Тут же пошел я в Александровское училище и по пути увидел, что у собора стоит довольно значительная толпа с хоругвями и иконами, а с паперти говорит звучным голосом напутственную погромную речь поп Владыкин, который являлся блюстителем нравственности в Александровском ремесленном училище.

На повороте с Никольской на Большую Кострижную меня догнал Жорж Оппоков и торопливо сказал:

— Как только будете готовы, то сообщите мне.

В училище меня встретили ученики из старших классов, нервно настроенные, с лихорадочными лицами. Отозвав нескольких товарищей: Лисичкина Льва и Метелина Василия, фамилии других не помню, я предлагаю им организовать боевую дружину, вооружившись железными прутками.

Через какой-нибудь час около 15 человек были готовы. Мы имели следующее вооружение: болты, для боя как кастетом, а за неимением прутков, $1/2$ -дюймовые газовые трубы.

Предложив товарищам никому не говорить, куда мы идем, зачем идем, попросив их подождать меня в саду, направился к Жоржу.

С Жоржем уговорились, что я должен буду пойти с товарищами в район, заселенный евреями, а там, связавшись с боевой дружиной гвоздильного завода, противодействовать еврейскому погрому.

Решено было выработать метод и сигнал начала уличных боев с черной сотней, памятуя,

что черносотенцы работают под охраной казаков.

Во время обсуждения этого вопроса к Жоржу приходит рабочий с гвоздильного завода, сотник боевой дружины, и говорит:

— Надо торопиться.

Стали разрешать вопрос о тактике уличного боя с черной сотней. В виде приказа сотник дружины мне говорит:

— Слушай, вы, александровцы, народ чумазый, на маменькиных сынков, гимназистов, не похожи, и черная сотня вас сразу не обнаружит, а потому вливайтесь прямо в них и действуйте, как можете; если вам придется туго, мы постараемся вас выручить, но только знайте, что казаки у вас под боком.

Порешив на этом, мы стали расходиться.

Время было около 7 часов вечера.

Вернувшись назад, я увидел, вместо 15 человек, дружину в 30 человек. Стоило больших усилий уговорить пойти со мною только 15 человек, а остальным остаться и быть готовыми на случай, если в них окажется нужда.

Мы решили идти на Часовенную и Старо-Острожную, что ныне называется улицей Гоголя.

В городе было темно и тихо, только в том районе, куда мы шли, раздавались голоса.

Как и предполагал товарищ с гвоздильного завода, мы беспрепятственно вошли в самую гущу черной сотни, которая громила еврейскую синагогу.

Во время погрома еврейской синагоги мы некоторое время были только свидетелями разыгрывающегося разгула черной сотни.

Картина была такова: толпа пьяных базарных жуликов, переодетых городских, дворников, ло-

мовых извозчиков и части крестьян с постоянных дворов шумела, кричала и жадно глядела, как бы и где бы что стащить и что изломать; поодаль, на красной стороне улицы, стояли конные казаки, молча наблюдая погром и начинающийся пожар синагоги; разъяренная толпа черной сотни, упоенная разрушением, где-то там, в стороне от нас, избивала вытащенных из синагоги 2-х евреев; этот крик избиваемых, как видно, послужил сигналом к дальнейшей крови—толпа кричала:

— Бей жидов! стереть их с лица земли! и пела „Боже царя храни“.

Наша группа боевой дружины, тесно прижавшись друг к другу, была в нерешительности.

Что делать? В этот момент раздается звон разбиваемых окон и мы видим, как из окон голубенького деревянного домика, освещенного пламенем пожара, выбрасываются подушки, одеяла, стулья и прочая домашняя утварь, которая на лету ловится и уничтожается; из полуподвального этажа этого же дома раздается душу раздирающий крик; при звоне бьющегося оконного стекла, мы как-то невольно все двинулись на этот крик и увидели: черносотенец, взяв ребенка в возрасте около года за ногу, разбивает им окна; в разбитое окно выталкивается женская фигура в разодранной кофточке с окровавленной грудью и с таким выражением ужаса на лице, что я даже сейчас, несмотря на давность, никак не могу забыть.

Что было дальше, я смутно себе представляю; но только твердо помню одно—я сильно ударил по голове стоявшего со мною одного черносотенца, который кричал во всю глотку:

— Бей, не жалея!

Мой удар был сигналом для боевой дружины,

и пятнадцать железных палок заработали, как цепи, по головам разъяренной толпы черносотенцев.

Толпа дрогнула.

В панике бросилась сначала было в нашу сторону, но, видя опасность, стихийно двинулась в сторону казаков и оттеснила последних.

Со стороны Ильинской улицы послышались выстрелы рабочей боевой дружины; черная сотня с большой силой бросилась в сторону казаков, совершенно расстроив их ряды, что заставило казаков бить плетями черносотенцев.

Меня хватает какой-то товарищ и говорит:

— Я с гвоздильного завода, идите отсюда скорей.

Крикнув своим товарищам:

— По домам!—я побежал с товарищем, который довел меня до Ильинской, сказав:

— Скорей домой, а завтра опять на совещание.

Так закончилось первое боевое крещение 19 октября 1905 года.

VII.

Александровцы готовятся к отпору черной сотне. По постановлению парткомитета снова к станку, за учебу. Не вам судить отцов за погром. Весь год без попа.

На утро в Александровском училище товарищи опять уже были готовы к бою; на этот раз с большим количеством лиц пошли на Театральную площадь. На площади можно было наблюдать казаков в конном строю, стоящих около часовни; одиночки рыскали по улицам и „наводили порядок“, т. е. били всех, кто чисто одет.

Тов. Оппоков присылает за мной одного из членов Центрального стачечного комитета и при встрече предлагает собраться у Вегера (Введенская 32) для обсуждения вопросов о дальнейших действиях.

Центральный стачечный комитет постановил: шире организовать боевые дружины с хорошим вооружением.

С вечера 20 октября полиция стала прекращать погром.

20 октября рано утром иду в училище.

Было около 7 часов утра. Подхожу и слышу шум работы в кузнице.

Оказывается, кто-то пришел ночью в училище и сообщил:

— Черносотенцы, в отместку за наше участие в боевой дружине, решили разгромить училище, произвести избиение учеников и обязательно добить раненного у вакуровского дома нашего ученика Мокина Александра (теперь инженер в правлении Р.-У. ж. д.), переодетого околоточным надзирателем.

Несмотря на вздорность подобного слуха, ученики стали готовиться к отпору черной сотне и решили: 1) отковать всем пансионерам кинжалы из старых напильников (для чего сломали ночью же кладовую); 2) все тяжелые металлические части перенести на верхний этаж, чтобы потом сбрасывать их на головы черносотенной толпы; 3) зашуровать паровой котел и сделать проводку труб, дабы горячим паром ошпаривать громил.

Вы представляете, что творилось в мастерских и главном корпусе!

В главном корпусе везде стояли часовые из боевой дружины, наскоро организованной, по улице ходили патрули; у забора со стороны сада, который выходит на Константиновскую (теперь Советскую) улицу, была засада, вооруженная железными палками.

И только когда к нам пришли Оппоков Жорж, Вегер Владимир и Хворостухин Василий (последний был с.-р.), которые, как члены Центрального комитета, уверили, что опасность миновала, погром окончен и что Александровское училище громить не позволит городская управа, стали постепенно расходиться.

Согласно решению Стачечного комитета рабочих, все заводы и желдороги должны прекратить

забастовку 24 октября, что было предложено сделать и нам.

Для обсуждения предложения комитета о прекращении забастовки, Ц. К. С. С. У. М. было созвано собрание всех учащихся на „белых камнях“*), на котором и решено приступить к учебе 24 октября.

Это собрание было разогнано казаками, избившими нас нагайками.

Забастовка окончена. 24 октября мы пришли в училище. Лучший порядок, как в мастерских, так и в классе, трудно себе представить; роль воспитателей взяли на себя ученики старших классов.

На первом же уроке у нас, учеников 5-го параллельного класса, произошел следующий инцидент с попом Владыкиным.

Надо сказать, в 5-ом классе был урок не закона божьего, а урок „духовно-нравственных“ бесед.

Пришел поп Владыкин и, прочитав „Преблагий господи“, сел за кафедру; прочел какое-то послание и предложил кому-либо из нас побеседовать на тему прочитанного.

Среди учеников молчание

Переглянувшись с товарищами, под реплику:

— Захар, скажи!—я поднимаюсь и задаю следующий вопрос:

— Душеспасительное ли дело избивать евреев? Если душеспасительное дело, то как его увязать с 6-й заповедью „не убий“? А что оно должно быть душеспасительное, мы думаем потому, что были свидетелями, как вы с соборной паперти благословляли погромщиков.

Поп, воздев очи к потолку, говорит:

— Не вам дети, это судить, ибо это делали отцы ваши.

*) На горах, у завода Жесть.

В ответ на это замечание попа вскакивает рядом сидящий товарищ Пряников Павел, ныне коммунарь в аткарской организации, крича:

— Если мой отец будет черносотенцем, то я его убью!—в доказательство своих слов выхватывает финский нож из ножен и ударяет им в парту со всего размаху.

Тогда поп встает и, обращаясь ко мне, говорит:

— Петров, выдь из класса—ты поднимаешь бунт.

Весь класс хором говорит:

— Петров, не уходи, а ты, батюшка, ответь.

Поп хватает журнал, уходит из класса; больше у нас он не был в течение учебного года.

Мы же стали вопрос о погроме обсуждать самостоятельно.

VIII.

Вновь забастовали. Он знает, как делают забастовки. Волков—„профилактик“. Профилактик опять в галоше. Экономическая „профилактика“. Опять он бит. „Академисты“ и борьба с ними. Объединенное собрание учащихся с родителями. Мы победили.

Открытая саратовской организацией кампания по созданию Совета рабочих депутатов явилась сигналом.

Молодежь первая откликнулась на призыв и, примерно в конце ноября, Центральный комитет социалистического союза молодежи постановил: вновь забастовать с пред'явлением тех же требований, что и 7 октября.

По инициативе Товарищеского совета было созвано собрание родителей. Под угрозой попа, обещавшего нам и нашим родителям всякие мучения на том свете, много было пролито мамашенькиных слез и много было ругани по адресу Товарищеского Совета.

Забастовка могла бы быть сорвана, если бы не тов. Самсонов Михаил, брат одного из учени-

ков, и отец Панкратова—Абрам Ильич, которые всеми силами поддерживали нас и перетянули родителей на нашу сторону.

Характерно, что после выступления Самсонова и Панкратова, во время моей речи и речи товарища Ласского-Северина, родители, которые только что перед этим ругали нас на чем свет стоит и предлагали высечь, говорили:

— Знамо верно, касатик мой, уж мы ли не хотим из вас людей сделать. Конечно, они добра для вас не хотят, вы не их дети!

Администрация на уступки не шла; забастовка продолжалась.

Член управы, доктор М. Ф. Волков, предложил городской управе передать ему работу по ликвидации забастовки в Александровском училище, причем он заявил:

— Я знаю, как делается революция, и я сумею ее прекратить по-хорошему.

После такого заявления со стороны Волкова, городская управа назначила его председателем попечительского совета Александровского училища.

Волков, как медик, конечно, прежде всего сторонник профилактики, а посему он решил заняться этой „профилактикой“ и с нами, но весьма неумело.

Вот пример: в один прекрасный день Товарищеский совет в полном составе и часть родителей получают приглашение придти на объединенное заседание попечительского и педагогического совета совместно с мастерами цехов.

Заседание назначено на 7 часов вечера.

Приходит весь Товарищеский совет, Родительский комитет, преподаватели, мастера цехов и попечительский совет в „расширенном“ составе.

Так как собралось около 70 человек, то решено было устроить заседание в большом зале 2-го этажа. Увидя, что заседание открытсе, пришли сюда и ученики-пансионеры 5-го, 4-го и часть 3-го классов—всего около 120 человек.

Во время нашего перехода из зала педагогического совета во 2-й этаж, доктор Сахаров, зная меня лично, подходит и, обнимая, говорит:

— Ты знаешь, зачем здесь я, д-р Минх, Лясс и другие? Мы, доктора, пришли сюда для того, чтобы сказать свое мнение о вас, насколько вы психически ненормальны, в связи с общим революционным психозом“.

То же самое передали и другие врачи членам Товарищеского совета.

Но это все еще ничего.

Пришли. Уселись. Ждем прихода учредителей заседания:

Приходит М. Ф. Волков с Алмазовым.

Председательство на себя берет Волков.

Садится на председательский стул, звонит в председательский колокольчик и приглашает всех садиться.

Когда все уселись, то М. Ф. Волков об'являет, что слово предоставляется председателю Товарищеского совета; о том, какой вопрос стоит на обсуждении,—ни гу-гу; что должен говорить представитель Товарищеского совета—тоже ни слова.

В наших рядах некоторое замешательство. А. С. Свистунов, руководитель инструментального цеха, с энергичным жестом шопотом обращается к нам:

— Обругайте его, на чем свет стоит, за то, что он не умеет вести заседание“.

Тогда секретарь Товарищеского совета обращается к президиуму со следующим заявлением:

— У нас, у людей с революционным психозом, обычно делают так: вырабатывают заранее повестку дня, назначают докладчика и заблаговременно его извещают; у вас же наоборот. А посему позвольте спросить, о чем говорить: о том ли, как надо вести собрание, или же еще о чем? Насколько нам известно, вы пригласили сюда врачей на предмет нашего освидетельствования, а раз это так, то и говорить не о чем.

Такое заявление прямо пришибло Волкова. А тут еще А. С. Свистунов порывисто встает, размахивая левой рукой, и звонким голосом чеканит:

— Мы собрались сюда для того, чтобы уговориться, как лучше подготовить работников на заводы, и с первых же шагов показали, что учителя-старики только их портят. Прежде чем их учить, надо постараться определить свои ошибки...

Когда кончил Алексей Степанович, наш председатель предлагает сделать перерыв на 15 мин.

Вся эта сцена происходила на глазах учеников, которые, видя, во что вылилось заседание, пошли в классные комнаты вместе с Товарищеским советом и там решили выделить трех человек для доклада о жизни интерната и классных занятиях, а об обучении ремеслам поручить докладывать А. С. Свистунову, который согласился и сделал прекрасный доклад.

Заседание длилось до 2 часов ночи и было перенесено на завтра, но и оно не вынесло практических решений.

„Медицинское освидетельствование“ показало, что одержимые „революционным психозом“ александровцы имеют острый зуб, и их простыми руками не возьмешь, а посему наш „профиллак-

тик“ решил применить к нам способ „хирургический“—отнятие у учеников-пансионеров хлеба.

Это было в конце ноября 1905 года.

Как-то утром, придя в Александровское училище, узнаю от т. Скутельмина, что ночью к ним приезжал Волков и сказал:

— Если вы не прекратите забастовки, то вам, пансионерам, продовольствие отпускаться не будет.

Как быть в данном случае? Пансионеров всего 250 чел. и большинство из них сироты.

Переговорив с Скутельминым, решили пойти в Центральный стачечный комитет учащихся.

На повестку дня мы поставили только один вопрос: „Меры борьбы против срыва забастовки в Александровском училище“.

Во время обсуждения этого вопроса, все время молчавший и что-то писавший Володька Вегер вдруг заявляет:

— Нашел способ, вот слушайте,—и начинает читать фамилии местных либералов, предлагая пойти сейчас же ко всем перечисленным и собрать с них деньги по подписному листу, а вечером пойти и сделать сбор на катке „Яхт-клуба“.

Сказано и сделано.

Сейчас же выделили для сбора по подписному листу Валу Дьякову и Веру Малинину. Я должен был сделать сбор на катке.

Когда я пришел на каток с талонной книжечкой в руках, на которой была печать „Центрального стачечного комитета учащихся“, то в течение получаса моя папаха стала полна серебряной монеты. Женька Лаговский достал сумочку из-под коньков, куда мы пересыпали собранные деньги и тут же ушли сдавать.

Мною было собрано около 400 руб., Вера Малинина принесла больше 1000 рублей.

В этот день мы решили больше не ходить на сборы, так как было уже поздно.

Собранные деньги заприходовали в кассу Ц. С. С. У. М.

Взяв с собою 50 руб., я отправился в Александровское училище. Собравшийся Товарищеский совет вызвал кухонных служащих и заявил им:

— Нам в продовольствии отказали, но ученики не должны остаться голодными; получайте от нас деньги и завтра утром купите все, что надо.

Домой в эту ночь я не ходил, а остался ночевать в училище, думая встретиться с ночным визитером училища Волковым. Но он ночью не был, а приехал в 10 часов утра. И каково же было его разочарование при виде завтракавших с белым хлебом учеников. К обеду был испечен пирог с капустой; все это окончательно сбilo с толку Волкова.

Тогда Волков, желая на нас оказать воздействие через родителей, приказал ученикам-пансионерам, которые не круглые сироты, из стен школы удалиться и жить у своих родственников.

В ответ на такое мероприятие. Центральный стачечный комитет решил выдавать на руки родителям деньги в сумме 6 руб. в месяц, а для того, чтобы у нас касса не иссякла, решил 1-й подписной лист закончить и, закончив его, открыть сбор по второму, при чем сбор проводить по всем учебным заведениям и среди более широкой либеральной группы.

Местом выдачи денег была моя квартира.

Через три дня после объявления о нашем решении в училище, у меня в квартире с раннего утра образовывалась очередь из родительниц. Наше мероприятие настолько подкупило их в нашу пользу, что по адресу училищной админи-

страции слышались только одни проклятия; действия Товарищеского совета одобрялись.

Нельзя не отметить также движения за срыв забастовки, так называемого „академизма“. Это движение было только в средних учебных заведениях, где ученики занимались „штрейкбрехерством“. Оно поддерживалось педагогами.

Для борьбы с штрейкбрехерством были организованы боевые дружины, которые поставили патрульные посты.

Вот одна из картин работы патрулей: в начале декабря, ночью, созываем в Ц. С. К. десятников боевых дружин и даем задание—не допустить начала занятий в женской гимназии Куфельд. Предложили оцепить пикетами квартал, в котором помещалась гимназия, и близлежащие перекрестки улиц.

Ученикам Александровского училища было приказано стать у входа в гимназию на углу Никольской и Царицынской.

Обращение патрульных должно быть самое вежливое.

На утро, за час до занятий, пикеты уже стояли.

Гимназисты и реалисты, памятуя наказ о вежливости, сдержат никого не могли. Около 9 часов прорывается большая группа гимназисток с Московской на Никольскую ул. и идет к пикету, состоящему из александровцев, желая силой прорваться. Тогда вожатый пикета, александровец Лисичкин, забывая данный наказ о вежливости, хватает одну из девиц и бросает ее в снег, вслед за нею летят в снег и на тротуар еще около десятка гимназисток, с визгом вскочивших и, растеряв книжки, разбежавшихся.

Но вот по Театральной площади, мимо гостинного двора, скачет серый рысак, на котором едет лидер „академистов“—ученица из гимназии Куфельд, в сопровождении лидера „академистов“ 2-й мужской гимназии.

Издали нам подадут сигналы, чтобы мы были готовы.

Человек двадцать из патрулей становятся поперек Царицынской улицы, а Лисичкин бежит навстречу лихачу и револьвером пугает кучера, который останавливает лошадь, и предлагает ехать назад. „Академист“ выхватывает свой револьвер—грозит Лисичкину, приказывая кучеру ехать дальше. Лисичкин стремительно кидается на „академиста“, отнимает у него револьвер, выгоняет „академиста“ и его спутницу вместе с кучером из санок. Потом берет кнут, поворачивает лошадь назад, бьет ее сильно кнутом; лошадь стремительно убегает без кучера, а седоки, под общий хохот, свист и крик, уходят, как пришибленные.

Эти сцены происходили в присутствии большой толпы зевак и стоящего около Радищевского музея конного казака; казак за все время не сдвинулся с места, вероятно, по инструкции, данной выше, так как, если бы пришлось работать ему нагайкой, битыми оказались бы в большинстве дети сановных буржуа.

За весь период забастовок, особенно после объявления „куцой конституции“, общие собрания родителей бастующих учащихся, а также и учеников, устраивались довольно часто. Среди родителей было ярко выражено два крыла—сторонников и противников бастующих, при чем правое крыло имело перевес и на общих собраниях весьма сильно нападало на сторонников забастовки, поддерживая „академизм“.

В виде иллюстрации небезынтересно будет познакомить читателя с одним из совместных собраний бастующих учащихся с родителями.

Дело было в начале декабря, в фельдшерской школе.

На повестке дня стоял один вопрос: продолжать или прекратить забастовку.

По поводу конструирования президиума, с родителями вышел спор о числе мест. Члены стачечного комитета, перемигнувшись между собой, проделали следующее: часть членов ЦСК увели родителей в одну из комнат, где и стали сговариваться о персональном составе президиума, а другая часть пошла в общее зало, где Вегер Владимир открыл собрание и предложил в президиум весь состав стачечного комитета. Когда мы после „сговора“ с родителями пошли в зало, то уже голосовали регламент докладчику и содокладчику. Родители не получили ни одного места в президиуме.

Часть обиженных родителей ушла.

Доклад делал Вегер, содоклад — один из родителей, фамилию его не знаю.

Много говорилось „убедительного“ тогда со стороны правого крыла родителей и „академистами“ о целесообразности прекратить забастовку и безрассудности бастовать, но большинство было за забастовку до победного конца.

Заключительное слово докладчика было настолько полемически сильным и острым, что впоследствии некоторые выражения среди учащихся стали ходячими.

На „убедительные“ доводы нашей неправоты, которая по определению одного из родителей правого крыла заключалась в том, что бастующие учащиеся и руководители забастовки из себя

представляют „безусых молокососов“, Вегер дал такой ответ:

— Да, конечно, мы молоды, безусы и возможно, что не так умны, как это вам, да и нам хочется, но ведь и у козла есть борода, и все-таки он глуп, а потому, уважаемые „академисты“, лучше побрейтесь, дабы не дать вашему уму уходить в бороду и болтаться по ветру.

Продолжение забастовки было принято, и родители стали перед фактом необходимости давить на школьную администрацию в смысле изменения системы воспитания.

Собрание разошлось с пением марша учащихся:

„Настало давно нами жданное время.
Очнулся рабочий народ.
Гремит его оклик—пора сбросить бремя,
За жизнь и за правду вперед.

Вышли мы все из народа,
Бесправия русского гнет
Не вытерпел он, и за нашу свободу
Он смело на битву идет.
Мы юны, в нас кровь молодая играет,
Мы все рождены для борьбы...
Взгляните, отчизна родная страдает
Под игом безвестной судьбы.

Товарищи, смело в открытую битву,
Победа иль гибель нас ждет.
Мы дружно подхватим святую молитву:
Иль смерть, иль свобода—вперед“.

IX.

Наши завоевания. Реакция берется и за нас. Мы биты, но не убиты. Наказ „стариков“. Подготовка к новой борьбе. Тоже „воспитатель“. Мы кончили. Карпов не подписывает свидетельства. Скутельмин испугал.

Последняя забастовка учащихся была прекращена по постановлению Стачечного комитета 10 января. Сначала решено было начать занятия с 7 января, но потом перенесли, чтобы участвовать в вооруженной демонстрации в день годовщины 9-го января.

Демонстрация состояться не могла, так как полиция арестами обезглавила все организации.

В результате забастовки учащихся в выигрыше оказались только ученики Александровского училища; они имели:

1. Родительский комитет.

2. Товарищеский совет учащихся, с правом совещательного голоса в педагогическом совете

Справившись с революционным подъемом рабочих и крестьян, черная реакция начала приби-

рать к рукам также и завоевания молодежи, делая это путем уничтожения родительских комитетов и усиления училищного режима.

По положению, отвоеванный учениками, Товарищеский совет учащихся Ремесленного училища вместе с родительским комитетом входил в педагогический и попечительский совет на правах совещательного голоса. Это положение было проводимо в жизнь училищной администрацией далеко не с охотой, но, тем не менее, до марта месяца все было „сравнительно“ благополучно.

В марте месяце Товарищеский совет начинает замечать игнорирование со стороны администрации; приглашение на заседание педагогического и попечительского совета не получается. На вопрос—почему нет приглашений, получается ответ, что, мол, советы не заседают и потому вас не приглашают.

Ученики вынуждены были устроить слезку за администрацией.

В первой половине марта 1906 года, в один из вечеров, прибегает ко мне т. Лева Лисичкин—я в это время лежал в больнице училища—и заявляет:

— Идет об'единенное заседание попечительского и педагогического советов, на которое не только не пригласили, но не допускают представителя Товарищеского совета.

Что делать?

Членов Товарищеского совета нет никого, ибо члены от параллельных классов разошлись по домам, а от основных—ушли на нелегальную квартиру для занятий в политкружке.

В наскоро организованном совещании активных ребят было решено сорвать заседание совета путем обструкции.

Лева Лисичкин взялся за осуществление срыва. Он с группой ребят пробрался через калориферные ходы амосовского отопления к отдушинам, выходящим в зало заседания, и набросал зловонные нечистоты, взятые из дворовых ретирад. Заседание об'единенных советов было сорвано.

Но это мероприятие не могло нам закрепить Товарищеский совет, ибо реакция была сильнее нас. Когда мы по этому поводу стали вести разговоры в комитете, нам сказали, что мы будем биты, ибо основную силу реакция уже задержала; поддержки для нас сейчас не будет, и власти не останоятся перед тем, чтобы на 1 год или 1^{1/2} закрыть училище.

— Перед вами, „грачи“ (кличка александровцев), сейчас стоит задача иная, а именно: принять все меры к тому, чтобы окончившие в этом году товарищи сознавали необходимость предстоящей классовой борьбы; пусть они идут на заводы с мыслью развить классовое сознание рабочих; без сознания, с одним энтузиазмом, царизма победить нельзя.

После такого раз'яснения наша группа эсдеков организовала 3 кружка по 12 человек, которые стали заниматься изучением политэкономии и программы партии.

Форма занятий—лекции и рефераты.

Руководителями были Оппоков Жорж, Вегер Владимир, Борис Зенкевич и Ефим Ковалев.

Параллельно с группой эсдеков работала и группа эсеров, во главе которой стояли Скутельмин Миша, впоследствии убивший начальника тюрьмы Шаталова, и Саша Грибов, который остался эсером до последних дней.

В отношении партийности учащиеся делились так: эсеры были, главным образом, из числа пан-

сионеров, а эсеки из приходящих. Если сравнить численность тех и других, то эсеров было около 20 человек, а эсеков 50 человек.

При кружковой работе происходил тщательный подбор, который диктовался условиями конспирации; надо сказать, что этот подбор был хорош, так как никаких провалов не было; что же касается слежки за активом, то она была, в чем особенно сильно отличался воспитатель Алексей Васильевич Побединцев, который впоследствии перешел на службу в полицию и фотографировал наших александровцев, ссылаемых в Сибирь.

Кроме слежки со стороны администрации была слежка и со стороны некоторых учеников; это можно заключить из следующего: председатель попечительского совета М. Ф. Волков вызывает меня и Гришу Шульгу к себе на дом для „важных“ переговоров и дает читать письмо, в котором сообщается, что члены бывшего Товарищеского совета решили его, Волкова, убить; письмо было без подписи.

Такого решения ни в нашей группе, ни в группе эсеров не было, а только был разговор, как передавал Скутельмин, что, мол, если Волков будет вести преследования, которые будут сопровождаться исключением, то его можно будет убить как скажет Товарищеский совет, так мы и поступим.

По поводу этого письма было расследование, в результате которого у всех сложилось мнение, что это письмо писано учеником 4-го класса пансионером Сапожниковым, не тем Сапожниковым, что в настоящее время художник, а другим.

Но вот кончается учебный год, и наш выпуск выходит без задержки, совершенно не считаясь с академичностью. Только пятерым — Петрову

Захару, Шульге Григорию, Грибову Александру, Скутельмину Михаилу и Ходаковскому Сергею свидетельств об окончании школы не выдают, ибо инспектор народных училищ А. П. Карпов не подписывает. Когда я с Шульгой пришел к Карпову спросить его в чем дело, почему он не подписывает свидетельств, то он нам дал такой ответ: согласно предписанию Казанского округа нам должны выдать свидетельство с поведением 4, а не 5, как это написано в свидетельстве; причем это объяснение носило характер извинительный, что, мол, я, Карпов, здесь не виноват.

Неизвестно, чем бы кончилось дело с выдачей нам свидетельств, если бы не террористический акт Михаила Скутельмина, который убил начальника саратовской губернской тюрьмы Шаталова.

Как только стало известно, что Шаталов убит Скутельминым, то Карпов, как видно, сильно был испуган тем обстоятельством, что террорист оказался из числа 5, которым он не подписывает свидетельство об окончании. На третий день после этого сам пришел на квартиру к Шульге и ко мне, дабы сообщить, что мы можем притти и получить свидетельство с отметкой в поведении „пять“.

И когда мы пришли, то он, передавая нам на руки свидетельства, говорил:

— За то, что я подписал такое свидетельство, мне от директора Казанского округа будет выговор, но лучше иметь выговор, чем портить вам, молодым людям, жизнь.

Свидетельства об окончании школы получены на руки.

Мы вне школы.

Часть нашего кружка, выпускники, вступили на тернистый путь—путь борьбы за существование и путь классовой борьбы революционного пролетариата.

Лично я, в качестве „профессионала“, был кооптирован на партийную работу в Саратовскую судоходную организацию РСДРП.

Тяжелое испытание получила наша группа в классовой борьбе.

1906 год является годом стремительного наступления черной реакции на революционный пролетариат.

Большое число товарищей из числа руководящего кадра партийной организации было схвачено и задушено реакцией.

Немногие остались в живых.

Испытывая тяжелый разгул реакции, пролетариат, оставшись без руководства, не оставил мысль о решительной схватке с своим классовым врагом — буржуазией.

Нет! Пролетарская громада принялась за подсчет и проверку своих боевых сил.

На смену павших товарищей пролетариат стал выделять из своей среды новые, свежие силы, принялся за воспитание своей смены, передавая ей традиции и навыки борьбы.

Если пролетарская молодежь, несмотря на реакцию, все-таки не была без руководства в деле своего воспитания, то совершенно иное наблюдалось среди мелкобуржуазной молодежи.

Под влиянием своих учителей (Арцыбашев) эта молодежь принялась за организацию кружков: „Огарков“, „Свободной любви“ и „Санинцев“.

Подобные организации долго жить не могли, хотя их полиция не преследовала; здоровой частью общества они осуждались, и члены этой организации порою бойкотировались. Потому и рабочие порою недоверчиво относились к партийным пропагандистам:

— Уж не такую ли ты хочешь свободу нам преподнести, какую „Огарки“ с „Санинцами“ проповедают?—говорили они, Разгоните эти развратные кружки, и тогда мы будем вас слушать.

Такое замечание делали лично мне рабочие чирихинского завода, а другим товарищам—рабочие завода Беринга и гвоздильного завода Гантке.

Идеологический распад свойственен мелкобуржуазной среде, и нет ничего удивительного в том, что партийные ряды, близко стоящие к ней, в период 1908—1910 гг., тоже были заражены упадочничеством, выразившимся в форме „ликвидаторства“ и троцкистского „примиренчества“.

В ответ на упадочничество в рядах партии, российский пролетариат принялся за чистку своих революционных рядов, и в результате этой работы он очистился от всех попутчиков с идеологической трухой и вышел победителем из тяжелых октябрьских боев.

Рабочая молодежь в октябрьских боях была на передней линии.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Воспоминания И. В. БАЕУШКИНА

(1893—900 г. г.)

Стр. 191.

Цена 1 р. 10 к.

В. ВОРОБЬЕВ

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

(воспоминания)

Стр. 107.

Цена 60 к.

П. Е. ДЫБЕНКО

**Из недр царского флота к великому
Октябрю**

Стр. 238.

Цена 1 р. 50 к.

Ф. Н. САМОЙЛОВ

**Воспоминания об Иваново-Вознесенском
рабочем движении**

(1903—5 г. г.)

Стр. 90.

Цена 60 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ

и киосках ГОСИЗДАТА.

